

Поэма «Шахтёрская дочь»

I

Червоточьями да кровотоцьями
зарубцовывается война.
Над полями, что за обочинами,
полно чёрного воронья.
По дороге, что лентой стелется,
что изрублена, видит Бог,
русокосая ясна девица,
в волосах голубой цветок.
Её руки — не толще веточек,
её стопы — балетный свод,
она будет из добрых девочек,
из наивных святых сирот.
Её платице — бедность мрачная,
её крестик — металл да нить.
Эта девочка столь прозрачная,
её вряд ли разговорить.
По дороге, где грязь окраины,
там, где воины начеку,
эта девочка неприкаянная
начинает собой строку.
Молчаливую, милосердную,
утопающую во тьме.
Эта девочка — достоверная,
как война, что в моём окне.
На ладонях кресты да линии,
на глазах пелена дождя,
эту девочку звать Мариюю.
И она на две трети я.

II

У Марии был дом — занавески и витражи,
был отец, который ей говорил: «Ложи!»
Был берёзовый шкаф, и была кровать,
вот такое счастье: ковать — не перековать.
А теперь у Марии что? На окошке скотч,
за окошком ночь и в окошке ночь,
где бесшумные призраки — конвоиры снов —
не находят для этой девочки даже слов.
Всё сплошное лязганье, грохот, треск,
у Марии есть мать, у матери есть компресс,
а ещё икона, на которой позолоченный Николай
обещает Марии тихий небесный рай.

III

Тишина проникает в ухо,
и ты думаешь, что оглох,
вот Мария на старой кухне
сигаретный глотает смог.
Надо лечь, пока держат стены,
пока крыша ещё цела.
У Марии дрожат колени,
над Марией молчит луна,
коногонкою в небе буром —
немигающий глаз отца.
Только глаз один — ни фигуры,
ни одежды, ни черт лица.
Этот глаз на реке — дорожка,
на стекле — серебристый блик.
Скоро-скоро опять бомбёжка
и глазной неуёмный тик.

